
ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

DOI 10.24411/1813-145X-2018-10182

УДК 008

А. Б. Пермиловская

<https://orcid.org/0000-0002-3221-7197>

Культовая народная архитектура как явление русской национальной культуры (по материалам Русского Севера и Арктики)

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-49-290001_p_a
«Деревянный храм в контексте изучения русской традиционной культуры: синкретизм материального и духовного
(по материалам Русского Севера и Арктики)»

Европейский (Русский) Север в истории и современном опыте отечественной культуры – это хранитель памятников древней народной культуры, где они создавались на протяжении нескольких столетий в условиях стабильности, патриархального образа жизни и непрерывности художественных традиций. Даже до настоящего времени мы обнаруживаем здесь многие неизвестные памятники прошлого. Широкий срез народной архитектуры с привлечением значительного числа новых артефактов важен не только для познания культуры северной провинции, но и для характеристики общерусского этнокультурного процесса. Исследование посвящено решению актуальной задачи – изучению культового деревянного зодчества в контексте русской традиционной культуры. Значимость данной работы: введение в круг отечественной этнологии и этнокультурологии северного деревянного храмостроительства. Культовая народная архитектура, по авторской концепции, послужила фактором адаптивного механизма освоения, организации и защиты жизненного и сакрального пространства Европейского Севера и Русской Арктики. Деревянное храмостроительство при освоении новых территорий выполняло роль «движущейся» архитектуры», а храмы и кресты выступали навигационными знаками, которые были нанесены на лоцманские карты поморов. Прикладная значимость проекта: материалы могут быть использованы при изучении памятников народного зодчества, при создании архитектурно-этнографических экспозиций музеев под открытым небом, национальных парков, сельских исторических поселений, достопримечательных мест, а также для дальнейшей разработки концептуальных предложений и практических рекомендаций по сохранению сельских культурных ландшафтов, поселений, отдельных памятников архитектуры как объектов культурного наследия Архангельской области и Российской Федерации.

Ключевые слова: культовое деревянное зодчество, храм, православие, традиционная культура, Русский Север, Арктика.

HISTORICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

A. B. Permilovskaya

Temple National Architecture as a Russian Traditional Culture Phenomenon (on the Russian North and Arctic Materials)

The European (Russian) North in the history and contemporary experience of the national culture is the keeper of the ancient folk culture monuments, where they were created for several centuries in conditions of stability, patriarchal way of life and continuity of artistic traditions. Even to this day we find here many unknown monuments of the past. A wide section of folk architecture involving a large number of new artifacts is of great importance not only for understanding the Northern Province culture, but also for characterizing the all-Russian ethno-cultural process. The research is devoted to the urgent problem solving: the study of the temple wooden architecture in the Russian traditional culture context. The significance of this work is the introduction into the circle of domestic native ethnology and ethnoculturology – a northern wooden temple construction. Church folk architecture, according to the author's concept, served as an adaptive mechanism factor for the development, organization and protection of the vital and sacred space of the European North and the Russian Arctic. Wooden temple construction during the development of new territories served as a «moving» architecture» and the temples and crosses were navigational signs applied to the Pomor pilotage maps. The project applied importance is that these materials can be used in studying monuments of national architecture, creating open-air museum expositions, national parks, rural historical settlements, noteworthy places, and also for the further development of the conceptual

proposals and practical recommendations for the preservation of rural cultural landscapes, settlements, individual architecture monuments as objects of the Arkhangelsk region and the Russian Federation cultural heritage.

Keywords: temple wooden architecture, church, Orthodoxy, traditional culture, Russian North, Arctic.

История русской деревянной архитектуры в значительной степени является историей деревянного зодчества Русского Севера. В исследовании автор исходит из синонимического значения – Русский и Европейский Север [15, с. 57–59]. «На Севере... были выработаны все те совершенные формы деревянного зодчества, которые в течение веков непрерывно влияли на всю совокупность русского искусства» [2, с. 336]. Деревянные храмы возводились полупрофессиональными плотничьими артелями и отражали коллективную ментальность и традиционную картину мира крестьянства. К началу XX в. у подавляющего большинства исследователей как искусствоведческого, так и этнографического направлений складывается представление о региональном своеобразии и особой роли культуры Русского Севера в возрождении русского национального самосознания. Исследование церковной архитектуры было положено И. Э. Грабарем, В. В. Сусловым, М. В. Красовским и другими в конце XIX – первой половине XX в. Значительное внимание изучению церковной истории Русского Севера было уделено Архангельским епархиальным церковно-археологическим комитетом [5]. В середине XX в. изучалось народное жилище (И. В. Маковецкий, Е. Э. Бломквист, Т. А. Бернштам, И. В. Власова и др.). Осознание истинной ценности народной архитектуры как целостного уникального комплекса традиционной культуры русского народа пришло только в 1970–1980-е гг. Это ознаменовалось «залповой» защитой четырех докторских диссертаций: Л. М. Лисенко, А. В. Ополовникова, В. П. Орфинского, Ю. С. Ушакова. После длительного перерыва по данной теме были защищены докторские диссертации А. Ю. Майничева «Русские Сибири: зодчество в аспекте этнокультурной адаптации XVII–XX вв.» (2005) и А. Б. Пермиловской «Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера» (2011). Это единственные работы по архитектуре в этнографии и этнокультурологии. Данный проект, акцентируя исследование на культовой архитектуре Русского Севера и Арктики, позволяет представить новую грань традиционной культуры русских.

В основе исследования лежит полевой материал 35 экспедиций, в которых были обследо-

ваны 368 поселений Русского Севера. Общее количество обследованных памятников и артефактов народной архитектуры, элементов декора, предметов материальной культуры и крестьянского быта – более 10 тыс., в 80 % случаев они выявлены впервые. В 2018 г. в рамках проекта была осуществлена экспедиция в историческое поселение: с. Ворзогоры Онежского района («погост с деревнями»), которое территориально относится как к классическим сельским поселениям Русского Севера, так и к арктической территории Онежского Поморья. Другая часть материала была собрана в архивах и музеях: Государственном историческом музее, Государственном институте искусствознания (Москва), Государственном архиве Архангельской области, Онежском историко-мемориальном музее, музее народных промыслов и ремесел Приморья.

Исследование раскрывает содержание и значение северного деревянного зодчества как базисной составляющей национальной культуры. Как особый регион российского культурного наследия по своей значимости соотносим с уникальными явлениями национальной и мировой культуры [15]. Понятие «Русский Север» отражает также значительную «русскость» региона – концентрацию и сохранение здесь именно русской традиционной культуры. В этом плане весьма показательным высказывание Д. С. Лихачева: «Самое главное, чем Север не может тронуть сердце каждого русского человека, – это то, что он самый русский. Он не только душевно русский – он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он спас нас от забвения русские былины, русскую деревянную архитектуру...» [7, с. 7]. Арктическое побережье, с древних времен заселенное русскими поморами и коренными малочисленными народами Севера, входит в состав Русского Севера. Поморская культура – русский вариант морской культуры в Арктике [12]:

– Русский Север рассматривается в проекте как модель русского мира, в котором присутствуют все компоненты, характеризующие духовную и социально-экономическую структуру государства. Здесь есть религиозный центр, гендерная составляющая, традиции земского самоуправления. Земство как идеальная для своего времени и места форма народного «общезитель-

ства» сохранялось в сознании северян в XIX – начале XX в.

– Бытие Русского Севера – это модель жизни свободного, даже в эпоху крепостничества независимого, экономически обеспеченного, верующего русского крестьянина, «государственника» по своему мышлению, своего рода *гражданина мира*.

– Особенности культуры Русского Севера определяются ее детерминированностью традициями древнерусской культуры, в качестве предметного воплощения времени и пространства выступает культурный ландшафт северной деревни, «являющий собой хороводную, соборную картину мира» [18, с. 152].

– На Русском Севере сохранился древний обычай расселения, характерный для восточных славян, – патронимия, который привел к формированию гнезд (групп) селений, эти поселения представляют собой архаичный пример патриархального рода.

– Народная деревянная архитектура, созданная в большинстве случаев неизвестными мастерами на основе общенародных архитектурно-строительных традиций, которые служат отражением коллективной и индивидуальной ментальности крестьянства, является одной из универсальных доминант традиционной культуры русского народа.

– Семантика и архитектурно-художественный образ северного приходского храма – отражение коллективной ментальности крестьянства, соотносятся с культурными смыслами православной картины мира. В связи с этим в основе сохранения традиционной культуры и деревянного зодчества утверждаются православие и мифопоэтическое мировоззрение русского народа.

– Крестьянский дом, представляющий собой жилой комплекс дома-двора, в условиях Севера являлся одним из главных способов освоения природной среды и его адаптивного механизма. Это нашло отражение в архитектурно-конструктивных особенностях, типологии, декоре, интерьере.

– Орнаментация декора народной архитектуры представляла собой знаковую систему, репрезентирующую эстетическую и мифопоэтическую информацию. Орнамент как язык выступал в виде кода, передающего основные специфические особенности этноса. Архитектурные и декоративные элементы составляли основу конструкции не только деревянных строений, но и крестьянского мировоззрения.

– Исследуя повседневную жизнь крестьянской семьи, мы обосновываем, что она протекала в семиотически насыщенной пространственной среде дома, интерьер которого представляет собой сложное взаимоотношение вещей друг с другом. Сама вещь в интерьере повседневной культуры северного дома, усадьбы, поселения выступает как культурный текст, включенный в исторически обусловленную знаковую систему.

– Поскольку народная деревянная архитектура – единственный круг артефактов, в значительном объеме сохранившийся на Севере, она может рассматриваться как культурный код Русского Севера.

Русский Север – край деревянных храмов. Северная модель культуры, реализованная в народной архитектуре, имеет инновационное научное значение, поскольку сохранилась и зафиксирована в ее уникальном материальном качестве именно на Русском Севере. В научных, научно-популярных и публицистических высказываниях сложилась традиция синонимического употребления понятий «деревянная архитектура» и «народная архитектура»; данная ситуация может быть охарактеризована как имплицитно отражающая культурный смысл регионального наследия в обыденном и научном сознании [14, 15].

Архитектура, как известно, всегда социально и исторически обусловлена. Первые храмы Древней Руси строились из дерева. В конце X в. новгородские мастера срубили из дубовых бревен огромный храм Святой Софии «о тринадцати верхах» (число 13 имеет в христианстве глубокий смысл, символизируя Христа и его 12 апостолов). Простояв почти 50 лет, храм сгорел во время очередного новгородского пожара, и на его месте было решено воздвигнуть гигантский каменный собор Святой Софии – главный православный храм Великого Новгорода (1045–1050). М. В. Красовский отмечает, что «для сооружения первых каменных храмов были вызваны греческие мастера, так как до этого времени славяне не были знакомы с каменным строительством. Однако они относительно быстро освоились с этим видом зодчества, и уже в XI в. каменные церкви начинают строиться собственными силами, местными мастерами, научившимися этому искусству от греков (византийцев)». Из камня были построены лишь те храмы, которые имели исключительное значение: Святыне Софии в Киеве и Новгороде [4, с. 15].

Следующим важным для истории Руси и русского храмостроительства этапом является вступление Иоанна III в брак с Софьей Палеолог, гре-

ческой принцессой из императорской династии *Палеологов*. Этот брак привлек в Москву много иностранных художников и архитекторов, первым среди которых был Аристотель Фьораванти, приглашенный для строительства Успенского собора в Кремле (1475–1479). Для наиболее значимых храмов Русского государства выполнялись чертежи, но даже в XVII в. для большинства культовых построек чертеж был исключением и, как правило, заменялся накопленным опытом и ссылкой на «образец» [3, с. 56].

На обширной территории древнерусского государства монументальные храмы возводились строительными средневековыми артелями («дружинами»), которые включали мастеров разных специальностей («мастеров всяции») и возглавлялись главным мастером – зодчим («здателем»), иногда «хитрецом» или «архитектоном» [16, с. 246–252]. Во времена монголо-татарского ига зодчим выдавались ханские ярлыки: «*Мастера трогать нельзя – Мастер избранное лицо, Богом хранимое, и если его тронуть, то Бог накажет монгола. А что будут церковные люди, ремесленники или писцы, или каменные здатели или деревянные или иные мастера, каковы не буди, и в наши никто не заступаются и наше дело не емлют их*» [4, с. 16].

Все это не позволяет безоговорочно отнести древнерусское храмостроительство к профессиональной архитектуре из-за отсутствия в нем важнейшего атрибута последней – чертежа как средства накопления и обработки информации. Профессиональные архитектурные чертежи, основанные на правилах масштабного проекционного черчения, появляются в России лишь в начале XVIII в. Кроме того, при средневековой артельной организации труда деятельность зодчих не персонифицировалась, оставаясь, как правило, анонимной, а создателями храмов считались заказчики-князья и, реже, церковные иерархи, чьи имена увековечивались в летописях [15].

Относительно деревянного храмостроительства исследователями отмечается «совершенное незнание с искусством чертежа и чтением чертежей у русских плотников» [4, с. 22], это была действительно народная деревянная архитектура. В 1970-х гг. А. А. Тиц справедливо заключил, что профессиональные приемы зодчих Руси изучены слабо [17, с. 16], да и в начале XXI в. они еще во многом представляют terra incognita [8, с. 135]. «Нашему современнику трудно представить, как даже опытный зодчий может приступить к размерению основания без каких-либо графических схем или предварительных наброс-

ков. В этом случае он должен держать в голове не только общую объемно-пространственную композицию, но все размеры и их соотношения, а также способы геометрического построения задуманной архитектурной формы». У древнего зодчего были запас определенных типологических схем и освоенный метод их принципиального построения, а также прием наборов взаимосвязи частей и целого. Правда, документального подтверждения этой начальной стадии создания православного храма не сохранилось [17, с. 10]. В ряде случаев использовалась деревянная модель или глиняный муляж. Например, в 1623 г. плотник Савка Михайлов был пожалован сукном «за *Калужское городовое дело, что он Калужскому городу образец* делал». На существование деревянных моделей-образцов указывает и легенда о костромских плотниках, «подаривших костромскому удельному князю тщательно сделанную из дерева *модель*, ... которая долгое время хранилась в роду князей, пока один из них не подарил ее иностранцам. А чтобы не обидеть плотников, князь наградил их землей и льготами» [3, с. 74–75].

С распространением христианства быстро развивается и деревянное храмостроительство, которое всегда шло впереди каменного. Традиции Византии с установившимися основными формами плана и составляющих элементов были приняты зодчими Руси всецело и оставались неизменными на протяжении столетий. Но деревянное храмостроительство развивается своим путем и постепенно приобретает черты яркой индивидуальности и самобытности, в которой, безусловно, сохранились основные принципы храмостроения, заимствованные некогда у Византии. Широкому творчеству в строительстве деревянных храмов способствовали, во-первых, значительная трудность передачи в дереве архитектурных модулей каменных храмов; во-вторых, то обстоятельство, что греческие мастера никогда не строили из дерева. Русские мастера проявили большую изобретательность, так как к этому времени уже были выработаны определенные конструктивные приемы в светской архитектуре, и эти формы смело применялись в деревянном храмостроительстве. На Русском Севере заказчиками (храмоздателями) строящихся храмов в большинстве случаев являлись крестьяне (волостной мир), а подрядчиками – плотницкие артели, состоящие из местных жителей или включавшие их в качестве наемных рабочих – «помочников». Во главе артели стоял староста, который заключал договор с нанимателями и руково-

дил всей постройкой, исполняя, таким образом, функции архитектора. Уникальные по технике строительства и редкие по красоте пинежско-мезенские храмы «шатер на крещатой бочке», вероятно, строила одна артель, использовавшая общие приемы в строительстве культовых сооружений и передававшая опыт следующим поколениям. Поэтому не случайно, что церкви Юromы и Кимжи особенно близки по конфигурации плана и по внешним формам. Оба храма близки настолько, что с первого взгляда трудно найти заметную разницу. Однако Юромская церковь больше и выше, ее крыльцо вынесено от стены притвора на значительно большее расстояние. Кроме того, в отличие от Одигитриевской церкви, стоящей на ровном месте, Юромская была поставлена на высоком берегу реки Мезень. «Первый плотник, который ту церковь (Кимженскую. – А. П.) строил и с мирскими людьми рядился», был местный житель д. Лампожня – Иев Прокопьев, выступавший как руководитель артели [15, с. 417].

Порядные, по существу выполнявшие функции «словесных чертежей», регламентировали взаимоотношения коллективных заказчиков и подрядчиков, обеспечивая первым из них возможность «блюсти обычай». А поскольку плотники-артельщики не порывали связи с односельчанами, создавались условия, сближающие деревянное храмостроительство с самостоятельным строительством крестьян, тем более что простейшие культовые постройки (часовни, обетные кресты) нередко рубили сами крестьяне в перерывах между основными сельскохозяйственными работами. «Единодушные» заказчиков и подрядчиков, находившихся в лоне традиционной и консервативной крестьянской культуры, закономерно придавало народный характер архитектурно-формообразованию культовых сооружений. Писатель Борис Шергин отмечал черты «традиционализма» православного северного крестьянина в его эстетических вкусах и пристрастиях. Приобретая или заказывая новую икону, требовали, чтобы пошиб был «священный», канонический. «Живописную манеру иконописания северный народ считал снижением, профанацией, недомыслием. Люди Севера также любили древнюю манеру церковного пения. Характерность не только мелодий, а самой манеры исполнения столпового, крюкового пения считалась на Севере принятой от ангелов. Это дух общей культуры Севера. Кстати сказать, в таком рассаднике церковной культуры, как Сийский, пение искони употреблялось только и исключительно “столпо-

вое”, знаменное с его особой техникой исполнения. Северный человек, почитая церковь “земным небом”, считает, что здесь все должно быть не такое, как в сем мире. И глаза и ухо должны видеть и слышать “пренебесное”, надмирное, высокое. Условно-идеалистическая живопись, особый стиль пения, красота – вот что требует душа Северной Руси» [19, с. 565–567].

При строительстве деревянных храмов Русского Севера указывалась на то, что архитектурный облик новой церкви должен соответствовать традиции и старым образцам, культовые постройки возводились «по подобию», что зафиксировано в *порядных* документах. Традиция копирования предустановленных образцов уходит в глубокую древность, когда она имела магический смысл. Известно, что одним из основных видов магии была имитация, подражание. «Христианство не уничтожило, но преобразовало языческую культуру, наполнило ее новым, возвышенным содержанием. Народу... были даны новые образцы, но смысл их копирования и тиражирования оставался во многом тем же: копирование во имя приобщения к священному оригиналу. Рудименты древнего магического отношения к воспроизведению предустановленных образцов улавливаются в изобразительном и прикладном искусстве, в архитектуре и градостроительстве вплоть до Новейшего времени» [1, с. 190–191].

Деревянные храмы – знаковое наследие Русского Севера, они сохранились в республиках Карелия, Коми; Вятской, Вологодской, Мурманской и Ленинградской областях. Но наибольшее их число всегда отмечалось на территории Архангельской области. Многие памятники деревянного зодчества сохранены в северных музеях под открытым небом (Архангельск, Великий Новгород, Кижы, Вологда), в национальных парках «Кенозерский» и «Водлозерский».

На Русском Севере получили распространение деревянные церкви и часовни нескольких типов: клетские, шатровые (шатер на крещатой бочке), кубоватые, ярусные, многоглавые (кроме часовен). Самые древние из сохранившихся деревянных храмов – клетские, в основании этого типа культовых построек – обычная четырехстенная клеть, перекрытая двускатной кровлей. Например, церкви Лазаря Муромского (конец XIV в.) на о. Кижы, Положения Риз в с. Бородавы Вологодской области (1485), Георгиевская в с. Юковичи Ленинградской области (1499). Шатровые храмы несколько старше: Никольская церковь в с. Лявля в Приморском районе построена 1581 г., Георгиевская церковь в с. Вершина

Верхнетоемского района Архангельской области – в 1672 г., церковь Дмитрия Солунского в с. Верхняя Уфтюга Красноборского района – в 1784 г. В бассейне р. Онеги, на Поморском и Карельском берегах Белого моря, сохранилось много пятиглавых храмов с кубоватым покрытием, в частности Троицкая церковь в с. Подпорожье (1757), Преображенская кубоватая церковь в д. Турчасово, Онежский район (1786). Каждому региону были свойственны «свои» варианты композиционных решений. В XVII–XVIII вв., особенно после запрета на «шатры», большое распространение получили ярусные храмы с несколькими уменьшающимися срубами, поставленными друг на друга: такая форма позволяла сохранить столь полюбившуюся пирамидальность храмов и одноглавое завершение, формально не нарушая запрета. Строили и многоглавые храмы, такие как Покровская церковь в с. Анхимово Вытегорского района Вологодской области (1708), к сожалению, не сохранилась и Преображенская церковь на о. Кижы (1714) [13, 14, 15, 20].

Строительство храмов считается высшим проявлением народного зодчества. В храме воплощался образ Вселенной. Архитектура, посредством присущего ей профессионального языка архитектурных форм, отражает мировоззрение человека и его духовное устройство. Безусловно, рассматривать смысл русского православного храма можно лишь в его идее как Дома Бога. По христианскому учению, «здание каждого храма является образом Вселенской церкви, сообщества святых, заполняющих пространство между Землей и Небом и время от творения до Судного дня и начала жизни вечной. Церковь – это тело Господа, воплощаемое в храмовой геометрии». «В связи с этим не случайным видится и соединение в слове церковь двух понятий: Церковь – Храм», то есть воздвигнутый из земной материи Дом Божий, «место лицезрения Божия и поклонение Творцу», и Церковь – тело Христово. Бог невидимо пребывает среди молящихся в храме... Начальным первообразом Православного Храма и его конечной идеальной целью являются небесные образы: Рай и растущее в нем древо жизни, дающее на каждый месяц свой плод [6, с. 65–66]. Часто символ этого древа жизни помещается в царских вратах – это виноградная лоза. Алтарь – место таинственного пребывания Бога – является главной частью храма, он ассоциируется и располагается на востоке. Это область света, неба, рая, место пребывания Бога. Среднее и основное пространство храма – кафа-

ликон, главное молитвенное помещение. Это область земного пребывания людей, место общения с Богом. Третья часть храма – трапезная, где в каменных храмах мог находиться второй (теплый) храм как символ помещения, в котором происходила пасхальная Тайная вечеря.

Трапезная в северных деревянных церквях располагалась между храмом и притвором. Это было большое помещение, где прихожане ожидали богослужения, придя в храм за много километров, здесь они могли перекусить. Трапезная в монастырях – это общая столовая для монахов. Первичное назначение трапезной отражено в самом ее названии: здесь устраивались общественные трапезы, пиры, «братчины», приуроченные к определенным событиям и сопровождавшиеся питьем общественного, так называемого «молебного» пива – остаток древних языческих собраний, воплотившийся на Русском Севере в народном православии. Общественно-мирская роль трапезной особенно прочно утвердилась в первой половине XVII в. в церквях отдаленных поселений, где в Смутное время государственная власть очень ослабла. На северных окраинах Руси возникла и окрепла новая форма государственной власти – местное земское самоуправление. Тогда церкви, будучи едва ли не единственным типом общественного здания, выполняли функцию центров земского самоуправления [11, с. 7–8], где зачитывались царские указы, вершились суды, проходили мирские сходы.

Одна из определяющих геометрий православного храма – ориентация сакральной оси восток-запад. Запад, где располагались притвор (предхрамие) и пристройка в виде галереи, согласно христианству, был местом мрака, смерти, скорби, жилища мертвых, ожидающих воскресения и суда. Поэтому здесь в русских, в том числе и в деревянных храмах, помещалась икона Страшного суда. В каменных храмах находились захоронения умерших, как это видно по памятникам Киева, Новгорода, Москвы. С западной стороны перед входом в храм располагалась колокольня, на Русском Севере обычно это была отдельно стоящая постройка. Колокольня в христианстве символизирует свечу Господу Богу.

Топография крестьянского мира представляла собой идеальное воплощение пространственной структуры мироздания, отраженное в группе поселений, объединенных в северной волости. «Леса, болота, озера, окружавшие ее, как бы противостояли людям и издревле считались излюбленными местами для злых духов. Внутри волости, напротив, все обжито, обозреваемо, упорядочен-

но и соотнесено одно с другим по законам иерархии: монастырь, погост, часовни, кресты – дома бога; хоромы вокруг – дома человека. Бани, овины, риги и гумна, стоящие поодаль, ближе к воде и лесу, – обиталища нечистой силы. Все эти строения располагались в волости сообразно их значению: если храмы – символы небесного мира – господствовали в пространстве, то кресты были видны лишь из нескольких близстоящих домов, хозяйственные постройки и вовсе находились за околицей или же прятались в низинках, у самого берега. Но дело не только в иерархии значений. Пространство, таким образом, оказывалось соотнесенным и со всемирной историей: алтари указывали на восход – начало мира и рай, в противоположной стороне – закат, конец мира и Страшный суд. Так весь необъятный мир, вся Вселенная включалась в сознание человека, который внутри небольшой волости, идя из одной деревни в другую, постоянно перемещался от “дольнего” – земного к “горнему” – небесному. Всякий путь, а тем более к святому месту, имел и религиозно-нравственный смысл. Поэтому церкви нередко ставили чуть в стороне от жилья, а монастыри и того дальше, но так, чтобы они всегда могли быть ориентирами – пространственными и духовными одновременно» [9, с. 85–86].

Моделирующие функции традиционной культуры проявились в восприятии Русского Севера как «светлого», то есть святого. На Севере образовалась целая монашеская область – Северная Фиваида, которую православный писатель А. Н. Муравьев в 1855 г. назвал «Русской Фиваидой» – по аналогии с Фиваидой Египетской, колыбелью раннехристианского монашества. Ученики и сподвижники Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского стояли во главе монастырской сакрализации северных земель. *«Преподобный Сергий стоит во главе всех, на южном краю сей чудной области и посылает внутрь ее своих учеников и собеседников, а преподобный Кирилл на другом ее краю приемлет новых пришельцев и расселяет обители окрест себя, закидывая свои пустынные мрежи даже до Белого моря и на острова Соловецкие»* [10, с. 7–8, 33].

Мы полагаем, что в исследовании народной архитектуры важен такой подход, который предусматривает аутентичное рассмотрение культуры, что дает большие возможности для понимания глубинного смысла культурных традиций, для реконструкции целостной картины мира их носителей. Для выявления культурного кода Русского Севера (народного зодчества) предложена архитектурная метафора, берущая

начало в строительной терминологии русского деревянного зодчества и воплощающая культурные смыслы материальной среды и связанного с нею народного мировоззрения: *«Как мера и красота скажут»* [15, с. 153]. Архитектурная метафора функционирует в двух знаковых системах – в дискурсе архитектуры и в профессиональном языке зодчих. Посредством знаков разной природы архитектор артикулирует свое миропонимание. Метафора в профессиональном языке представляет собой способ осмысления архитектурных реалий через обращение к иным областям знания, прежде всего к наивным знаниям о человеке и его ближайшем окружении.

Метафорическая формула древнерусских строителей *«Как мера и красота скажут»* берет свое начало в плотницкой терминологии русского деревянного зодчества. В этом случае использован древний специальный профессиональный термин зодчих, зафиксированный в порядных – письменных заданиях-договорах на строительство, выполняющих роль юридического документа, где подробно оговаривалось, какой должна быть церковь. Но, получив представление о будущем строении, мастера должны были полагаться на свой опыт, чутье и вкус. Недаром в старинных договорах, которые заключались между мастером плотницкой артели и «миром» (крестьянами-заказчиками), обычно встречаются такие выражения: *«делать по угожеству»*, *«рубить, как пригоже»*, *«...а строить выотою, как мера и красота скажут»*. Термин «мера» происходит из Византии, Болгарии, зодчие из этих мест строили первые храмы на Руси. Для строительства использовались «меры» – габариты и пропорции, что зафиксировано в церковных текстах. «Мера» позволяла заранее представить, как будет выглядеть сооружение, и рассчитать примерный расход материалов, при этом не требовались точные масштабные чертежи. Достаточно было рисованной или процарапанной на бересте схемы плана с указанием мер, и, конечно же, меры должны были соотноситься с самым удобным измерительным инструментом – человеческим телом. То, что «досягают» руки, раскинутые в стороны, – сажень. Наибольший захват растянутыми пальцами – пядь – совершенно точно дважды укладывается в один локоть, а сажень равна четырем локтям. Средняя, наиболее распространенная величина сажени – 176 см. Получалось, что мастер, используя пару мер, заключенных в его собственном теле, самопроизвольно создавал структуру пространства, в которой все части, оказывались между собой, соединены гармонично.

ческим образом. Вспомним знаменитый чертеж Леонардо да Винчи, в котором гениально зафиксирована связь метрики человеческого тела и архитектурно-градостроительного модуля [15, с. 154–155].

Высшим проявлением народного зодчества в православии было храмостроительство, превратившее Русский Север в особую «страну зодчих» – уникальный заповедник деревянной церковной архитектуры. Культурное деревянное зодчество – своеобразное ответвление русской архитектуры, впитавшее в себя мировоззрение этноса и являющиеся отражением традиционной картины мира русского народа в контексте христианского мировоззрения. Особая роль Севера в истории русской культуры связана с тем, что он стал своего рода хранителем генофонда национальной этнокультурной традиции. Научная новизна исследования помогает понять целостность и сущность сложных исторических и социальных особенностей российской культуры, в которой памятники народной архитектуры являются уникальными и, к сожалению, немногочисленными артефактами, с помощью которых осуществляются преемственность и национальная идентификация традиционной культуры в процессе ее становления и трансформации. Культурная архитектура долгое время не изучалась этнографами, что затрудняло осмысление многих явлений материальной и духовной культуры. Уровень фундаментальности и значимость данного исследования: введение в круг отечественной этнографии и этнокультурологии – северного деревянного храмостроительства, в самом его традиционном значении. Данный проект создает новое направление исследований о народной архитектуре, что позволит произвести переосмысление некоторых явлений материальной и духовной культуры русских.

Библиографический список

1. Бондаренко, И. А. Теория и история архитектуры: Публикации разных лет [Текст] / И. А. Бондаренко. – СПб.: Коло, 2017. – 832 с.
2. Грабарь, И. Э. История русского искусства [Текст] / И. Э. Грабарь. – СПб., 1910. – Т. 1: Архитектура. Допетровская эпоха. – 508 с.
3. Воронин, Н. Н. Очерки по истории русского зодчества XVI–XVII вв. [Текст] / Н. Н. Воронин. – М. – Л.: ОГИЗ Государственное социально-эконом. изд-во, 1934. – 131 с.
4. Красовский, М. Деревянное зодчество [Текст] / М. Красовский. – СПб.: Сатисъ, 2002. – 383 с.
5. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии: в 3 вып. / изд. Арханг. епарх. церк.-археол. комитета. Архангельск,

1894–1896. Вып. 1: Уезды Архангельский и Холмогорский. – 1894. – 371 с.; Вып. 2: Уезды: Шенкурский, Пинежский, Мезенский и Печорский. – 1895. – 406 с.; Вып. 3: Уезды: Онежский, Кемский и Кольский. – 1896. – 267 с.

6. Кудрявцев, М. П., Кудрявцева, Т. Н. Русский православный храм. Символический язык архитектурных форм [Текст] / М. П. Кудрявцев, Т. Н. Кудрявцева // К свету. – М.: Изд-во духовной литературы «Родник». – 1995. – № 17. – С. 65–87.

7. Лихачев, Д. С. Предисловие [Текст] / Д. С. Лихачев // Гемп К. П. Сказ о Беломорье. – Архангельск: Северо-западное книжное изд-во, 1983. – С. 7–8.

8. Майничева, А. Ю. «Как мера и красота скажут»: традиционные принципы геометрии планов русских православных церквей [Текст] / А. Ю. Майничева // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2015. – Т. 43. – № 1. – С. 135–143.

9. Мильчик, М. И., Ушаков, Ю. С. Деревянная архитектура Русского Севера: страницы истории [Текст] / М. И. Мильчик, Ю. С. Ушаков. – Л.: Стройиздат: Ленингр. отд-ние, 1981. – 128 с.

10. Муравьев, А. Н. Русская Фиваида на Севере [Текст] / А. Н. Муравьев. – СПб.: В типог. III Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1855. – 503 с.

11. Ополовников, А. В. Русское деревянное зодчество [Текст] / А. В. Ополовников. – М.: Искусство, 1986. – 311 с.

12. Пермиловская, А. Б. Культурное пространство Русский Арктики [Текст] / А. Б. Пермиловская // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 3. – С. 362–365.

13. Пермиловская, А. Б. Деревянный православный храм как воплощение этнокультурного архетипа в русской традиционной культуре [Текст] / А. Б. Пермиловская // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 2. – С. 245–250.

14. Пермиловская, А. Б. Храм в контексте русской традиционной культуры: синкретизм материального и духовного [Текст] / А. Б. Пермиловская // Рябининские чтения – 2015: материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. – Петрозаводск: ФГБУК «Госуд. ист. арх. и этногр. музей-заповедник «Киж», 2015. – С. 216–218.

15. Пермиловская, А. Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера [Текст] / А. Б. Пермиловская. – Екатеринбург: УрО РАН; Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера». – Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2013. – 608 с. – 744 ил.

16. Раппопорт, П. А. Древнерусская архитектура [Текст] / П. А. Раппопорт. – СПб.: Стройиздат, С.-Петерб. отд-ние, 1993. – 289 с.

17. Тиц, А. А. Загадки древнерусского чертежа [Текст] / А. А. Тиц. – М.: Стройиздат, 1978. – 151 с.

18. Чекалов, А. К. Народная деревянная скульптура Русского Севера [Текст] / А. К. Чекалов. – М.: Искусство, 1974. – 191 с.

19. Шергин, Б. В. Праведное солнце: Дневники разных лет [Текст] / Б. В. Шергин. – СПб. : Библиополис, 2009. – 654 с.

20. Anna Permilovskaya. Wooden Folk Architecture in Western Russia // HABITAT: Vernacular Architecture for a Changing Planet / General Editor: Sandra Piesik. – UK, London : Thames & Hudson LTD, 2017. – P. 392–397.

Reference List

1. Bondarenko, I. A. Teorija i istorija arhitektury : Publikacii raznyh let = Theory and history of architecture: Publications of different years [Tekst] / I. A. Bondarenko. – SPb. : Kolo, 2017. – 832 s.

2. Grabar', I. Je. Istorija russkogo iskusstva = History of the Russian art [Tekst] / I. Je. Grabar'. – SPb., 1910. – T. 1: Arhitektura. Dopetrovskaja jepoha. – 508 s.

3. Voronin, N. N. Oчерки по istorii russkogo zodchestva XVI–XVII vv. = Essays on history of the Russian architecture of the 16–17th centuries. [Tekst] / N. N. Voronin. – M. – L. : OGIz Gosudarstvennoe social'no-jekonom. izd-vo, 1934. – 131 s.

4. Krasovskij, M. Derevjannoe zodchestvo = Wooden architecture [Tekst] / M. Krasovskij. – SPb. : Satis#, 2002. – 383 s.

5. Kratkoe istoricheskoe opisanie prihodov i cerkvej Arhangel'skoj eparhii : v 3 vyp. / izd. Arhang. eparh. cerk.-arheol. komiteta. Arhangel'sk, 1894–1896. Vyp. 1 : Uezdy Arhangel'skij i Holmogorskij. – 1894. – 371 s.; Vyp. 2 : Uezdy: Shenkurskij, Pinezhskij, Mezenskij i Pechorskij. – 1895. – 406 s.; Vyp. 3 : Uezdy: Onezhskij, Kemsckij i Kol'skij. Short historical description of parishes and churches of the Arkhangelsk diocese: in 3 issues/produced by Arkhangelsk eparchial church. – archeological committee. Arkhangelsk, 1894–1896. Issue 1: Counties of Arkhangelsk and Kholmogorsky. – 1894. – 371 pages; Issue 2: Counties: Shenkursky, Pinega, Mezen and Pechora. – 1895. – 406 pages; Issue 3: Counties: Onega, Kemsky and Kola. – 1896. – 267 s.

6. Kudrjavcev, M. P., Kudrjavceva, T. N. Russkij pravoslavnyj hram. Simvolicheskij jazyk arhitekturnyh form = Russian Orthodox church. Symbolical language of architectural forms [Tekst] / M. P. Kudrjavcev, T. N. Kudrjavceva // K svetu = To light. – M. : Izd-vo duhovnoj literatury «Rodnik». – 1995. – № 17. – S. 65–87.

7. Lihachev, D. S. Predislovie = Foreword [Tekst] / D. S. Lihachev // Gemp K. P. Skaz o Belomor'e = The narration about the White Sea Areas. – Arhangel'sk : Severo-zapadnoe knizhnoe izd-vo, 1983. – S. 7–8.

8. Majnicheva, A. Ju. «Kak mera i krasota skazhut»: tradicionnye principy geometrii planov russkih pravoslavnyh cerkvej = «As the measure and beauty will tell»: traditional principles of geometry of plans of the Russian Orthodox churches [Tekst] / A. Ju. Majnicheva // Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii = Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia. – Novosibirsk, 2015. – T. 43. – № 1. – S. 135–143.

9. Mil'chik, M. I., Ushakov, Ju. S. Derevjannaja arhitektura Russkogo Severa: stranicy istorii = Wooden

architecture of the Russian North: pages of history [Tekst] / M. I. Mil'chik, Ju. S. Ushakov. – L. : Strojizdat : Leningr. otd-nie, 1981. – 128 c.

10. Murav'ev, A. N. Russkaja Fivaida na Severe = Russian Fivaida in the north [Tekst] / A. N. Murav'ev. – SPb. : V tipogr. III Otd. Sobstvennoj E. I. V. Kanceljarii, 1855. – 503 s.

11. Opolovnikov, A. V. Russkoe derevjannoe zodchestvo = Russian wooden architecture [Tekst] / A. V. Opolovnikov. – M. : Iskusstvo, 1986. – 311 s.

12. Permilovskaja, A. B. Kul'turnoe prostranstvo Russkij Arktiki = Cultural space of the Russian Arctic [Tekst] / A. B. Permilovskaja // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin. – 2015. – № 3. – S. 362–365.

13. Permilovskaja, A. B. Derevjannyj pravoslavnyj hram kak voploshhenie jetnokul'turnogo arhetipa v russkoj tradicionnoj kul'ture = Wooden Orthodox church as the embodiment of the ethnocultural archetype in the Russian traditional culture [Tekst] / A. B. Permilovskaja // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin. – 2016. – № 2. – S. 245–250.

14. Permilovskaja, A. B. Hram v kontekste russkoj tradicionnoj kul'tury: sinkretizm material'nogo i duhovnogo = The temple in the context of the Russian traditional culture: syncretism of material and spiritual [Tekst] / A. B. Permilovskaja // Rjabininskie chtenija – 2015 : materialy VII konferencii po izucheniju i aktualizacii kul'turnogo nasledija Russkogo Severa = Ryabinin readings – 2015: materials of the VII conference on studying and updating of cultural heritage of the Russian North. – Petrozavodsk : FGBUK «Gosud. ist-arh. i jetnogr. muzej-zapovednik «Kizhi», 2015. – S. 216–218.

15. Permilovskaja, A. B. Kul'turnye smysly narodnoj arhitektury Russkogo Severa = Cultural meanings of the Russian North folk architecture [Tekst] / A. B. Permilovskaja. – Ekaterinburg : UrO RAN; Arhangel'sk : OAO «IPP «Pravda Severa». – Jaroslavl' : JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2013. – 608 s. – 744 il.

16. Rappoport, P. A. Drevnerusskaja arhitektura = Old Russian architecture [Tekst] / P. A. Rappoport. – SPb. : Strojizdat, S.-Peterb. otd-nie, 1993. – 289 s.

17. Tic, A. A. Zagadki drevnerusskogo chertezha = Riddles of the Old Russian drawing [Tekst] / A. A. Tic. – M. : Strojizdat, 1978. – 151 s.

18. Chekalov, A. K. Narodnaja derevjannaja skulptura Russkogo Severa = National wooden sculpture of the Russian North [Tekst] / A. K. Chekalov. – M. : Iskusstvo, 1974. – 191 s.

19. Shergin, B. V. Pravедное солнце: Dnevniky raznyh let = The just sun: Diaries of different years [Tekst] / B. V. Shergin. – SPb. : Bibliopolis, 2009. – 654 s.

20. Anna Permilovskaya. Wooden Folk Architecture in Western Russia // HABITAT: Vernacular Architecture for a Changing Planet / General Editor: Sandra Piesik. – UK, London : Thames & Hudson LTD, 2017. – R. 392–397.